

Загадка поэта и... памятника

Виз. Москва - 1995 - 28 сент.
а 5

Пел светло-заревой псалом...

Таинственные токи повели есенинскую тему, кажется, уже не нами предначертанным порядком. Неделию назад «Вечерка» опубликовала рассказ о Лидии Кашиной, похороненной неподалеку от могилы Есенина. Новое исследование посвящено человеку, чье лицо, запечатленное в бронзе, оказывается, знакомо всем. А имя, а стихи?..

Бывая у могилы Есенина несколько лет, я лишь в 1991 году обратил внимание на надгробие, находящееся всего в 2-3 метрах за памятником Есенину. Надпись на нем гласит:

«Поэт
Николай Константинович Лавров
I-III-1887 — I-VIII-1930».

Я спросил про Лаврова у людей, проходящих на могилу Есенина. Они смогли только рассказать, что Лавров был знаком с Есениным и завещал похоронить себя рядом с ним. Я стал просматривать литературу о Есенине, но даже самого краткого упоминания о Лаврове не нашел. Следующим этапом стало изучение каталогов Российской Государственной библиотеки (бывшая «Ленинка»). Там под именем Николай Лавров значатся четыре книги: две с рассказами о русских купцах (изд. до 1918 г.) и две книжечки стихов. Просмотр первых не дал мне ничего. Две другие же показали, что поэт Лавров, бесспорно, находился под сильным влиянием певца березового края. Однако интересен он не только этим. Приведу две его строки, которые в сегодняшнее тяжелое время в каких-либо комментариях не нуждаются:

**И мне язык весны привычен.
Призыв к войне я крови — нет!..**

Дальше я обратился за справками к М. Артамонову, автору книги о Ваганьковском кладбище, вышедшей в 1991 году. Михаил Дмитри-

Памятник Первопечатнику Федорову, для которого С. Волнухину позировал Н. Лавров

евич помог мне встретиться с близким родственником Лаврова. Этот человек поведал мне, что в год смерти поэта он был ребенком и потому знает о нем от родных. По семейным рассказам, Лавров позировал известному скульптору Волнухину, когда тот работал над памятником первопечатнику Ивану Федорову. Кроме того, Лавров был большим другом Конёнкова.

Круг дальнейших поисков определился. Но сделать я успел очень мало.

В разных местах Москвы хранятся три архивных фонда С. М. Волнухина. Мне довелось просмотреть лишь один, в Третьяковской галерее. Ничего о Н. Лаврове там нет. В музее-мастерской С. Т. Конёнкова на Тверском бульваре меня тоже ждало разочарование. Правда, там посоветовали просмотреть личный архив Конёнкова, хранящийся в Академии художеств

в Санкт-Петербурге. Сделать это я, к сожалению, не смог.

Остается рассказать немного. Ниже публикуется стихотворение Николая Лаврова, которое было напечатано в 1926 году в сборнике «Памяти Есенина». Оно убедительно свидетельствует, что «страстный поклонник таланта Сергея Есенина» достойнейшим образом почтил своего кумира, необыкновенно красиво назвав его музу «светло-заревым» и «неземным псаломом». Лавров предсказал, что имя Есенина окажется позже буквально под запретом, который окончательно будет снят нескоро: «Лишь осенью... мы вспомним». Стихотворение содержит загадку. Сегодня, когда бытует версия об убийстве, а не о самоубийстве Есенина, необходимо постараться прояснить, что же имел в виду автор, говоря, что «березки» (т. е. Есенин) кланяются «под искрометным топором»? Надеюсь, что мое исследование не останется незамеченным специалистами. Слово — за исследователями, которые смогут пойти дальше.

Анатолий РЫЧКОВ
Фото Леонида ГЛАГОЛЕВА
и Евгения ЛУЧЕНКОВА

Памяти Сергея Есенина

**Березки в платицах зеленых
С узором яркой бересты
В весенних шумах, зовах, звонах
Кладут поклоны и кресты.
И поутру поют они же
Свой светло-заревой псалом
И кланяются ниже, ниже
Под искрометным топором.
И к речке, на высоких склонах,
Где жизнь их радостно цвела,
Положат в платицах зеленых
На землю юные тела.
И над безвременным кладбищем,
Где пелся неземной псалом, —
Мы не найдем, мы не отыщем
Печали в пламени вечеровом.
Лишь осенью, когда в затонах
Злой ветер сморщит лик воды,
Мы вспомним в платицах зеленых
Березок стройные ряды.**

Николай Лавров. 1926 год